

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)

Е. Л. Сараева

«Индивидуалистическое и общественное» течения в русской мысли XVIII в.: взгляд Иванова-Разумника

В статье интерпретируются воззрения русского историка Иванова-Разумника на становление интеллигенции в России XVIII столетия: дан анализ особенностей трактовки прав человека и содержания понятий «человек» и «личность» в текстах интеллектуалов того времени.

Ключевые слова: Россия, история, Новое время, Иванов-Разумник, интеллигенция, XVIII век, Екатерина II, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев.

E. L. Saraeva

"Individualistic and Public" Trends in the Russian Thought of the XVIII century: Ivanov-Razumnik's Point of View

In the article the point of view of Russian historian Ivanov-Razumnik on intelligentsia formation in Russia of the XVIII century is interpreted: the analysis of human rights understanding and the maintenance of concepts "person" and "person" in texts of intellectuals of that time is given.

Keywords: Russia, history, New time, Ivanov-Razumnik, intelligentsia, XVIII century, Catherine II, N. I. Novikov, A. N. Radishchev.

Конструируя понятие интеллигенции, русский историк Иванов-Разумник (1878–1946) применял *этический и социологический критерии*: «Интеллигенция есть этически – антимещанская, социологически – сословная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности» [1]. Социологический подход позволял Иванову-Разумнику определить социальное пространство, рождавшее интеллигенцию. Он не связывал ее происхождение с классовыми и сословными интересами. В отличие от классов и сословий, четко фиксирующих демаркации между ними, интеллигенция, по мнению Иванова-Разумника, не имеет социальных границ. Характерными признаками русской интеллигенции Иванов-Разумник считал *сословность* и *внеклассовость*, отличающие ее от религиозных и политических общественных групп (сословных или классовых) [2]. По своему составу интеллигенция была сословной, пояснял

Иванов-Разумник, но по исповедуемым идеалам и задачам деятельности она стала внесословной и внеклассовой группой, сумевшей отречься от классовых интересов. Конечно, «сословность» не могла не отразиться на взглядах интеллигентов, но в их системе ценностей превалировало представление о свободе человека. «...С этой точки зрения даже ярко сословно-классовые декабристы были, как мы увидим, действительно внеклассовы и внесословны» [3]. Введение Ивановым-Разумником в определение интеллигенции такого компонента, как формирование культуры личности на основе общечеловеческих ценностей, свидетельствует о значимости для него и *аксиологического, этического подхода* к анализу этого исторического явления.

История русской интеллигенции, по мнению Иванова-Разумника, берет свое начало с середины XVIII в., когда возникла преемственная группа сословного и внеклассового состава, определившая своей целью освобождение личности. До петровской России жили отдельные, одинокие «интеллигенты», имевшие смелость высказывать

независимые суждения и вести себя в соответствии с собственными представлениями. К одиноким «интеллигентам» Иванов-Разумник относил Феодосия Косого, Курбского, Котошихина, Хворостинина, бояр Салтыковых, Посошкова, Татищева [4]. Прививка европейского просвещения в эпоху Петра I дала рост числа «интеллигентов», которых насчитывались уже десятки и сотни. Историю интеллигенции, настаивал Иванов-Разумник, можно вести лишь со времени сплочения нескольких «интеллигентов» вокруг идеи политического и социального освобождения личности.

Сферой зарождения идей об освобождении личности в России, по мнению Иванова-Разумника, стала литература второй половины XVIII в. Не принимая во внимание художественные достоинства и заимствованный характер «Наказа» Екатерины II (1765–1767), Иванов-Разумник оценил значение этого сочинения императрицы для распространения идеи прав человека: «...для нас это произведение интересно как первое официальное провозглашение *прав человека*, хотя в нем мы имеем дело не с реальной личностью, а с абстрактным человеком – но это было уделом всех русских общественников XVIII века, и не только одних, а и большинства мыслителей и общественных деятелей того времени: даже во Франции Великая французская революция 1789 года положила в основание интересы абстрактного человека, а не реальной личности» [5]. Иванов-Разумник справедливо отмечал, что теоретическое осмысление проблемы прав человека в работах деятелей французского Просвещения, идеи которых были выборочно представлены в «Наказе» Екатерины II [6], предшествовали решению задачи освобождению личности в реальной действительности. Важен был факт публичного заявления российской императрицей о праве человека на свободу. Однако неразвитость общественного самосознания снизила значение публикации «Наказа». Иванов-Разумник считал «Наказ» Екатерины не более чем литературным произведением, не имевшим влияния ни на политику самодержавия, ни на развитие русской мысли.

В историческом контексте мысль о правах человека в России зазвучала в работах Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, отмечал Иванов-Разумник. Свое мнение о зарождении общественного сознания и, следовательно, русской интеллигенции как его творца и носителя, Иванов-Разумник обосновывал обстоятельствами ста-

новления журналистики в России. Тем не менее, этот начальный период развития русской мысли Иванов-Разумник назвал *эпохой «Наказа»*, имея в виду реальное расширение прав дворянства, обоснованное в сочинении Екатерины и подтвержденное позднее ею в Жалованной грамоте дворянству 1785 г.

Согласно концепции Иванова-Разумника, русская интеллигенция второй половины XVIII в., сформировавшаяся из дворянства, по своим интересам была внесословной и стала сознавать свои «внесословные обязанности» [7]. Он писал: «...интересы этой интеллигенции никогда не были сословными; если даже интеллигенция и была по составу своему сословной (до середины XIX века большинство ее составляло дворянство)... сословное большинство интеллигенции не внесло в нее сословных и классовых интересов [8]. «Лучшие представители» дворянской интеллигенции эпохи «Наказа» – Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин, сумевшие выйти из узких границ сословных интересов, отказавшиеся защищать крепостное право: *«Классовые и сословные общественные группы только тогда стали “интеллигенцией”, когда сумели стать выше своих классовых и сословных интересов»* [9].

Образованные люди восемнадцатого столетия, оставшиеся на сословных дворянских позициях, не могут быть отнесены к интеллигенции, считал Иванов-Разумник. Как видно, он применял идейный критерий идентификации интеллигенции. Идея прав человека, усвоенная и развиваемая культурными людьми, объединяла их в новое социокультурное сообщество, отделяя от «общественников» с высоким уровнем образованности. «Общественников» не интересовала проблема блага личности. Так, Иванов-Разумник относил В. Н. Татищева (1686–1750), повлиявшего своими трудами на развитие исторического сознания современников, не к интеллигенции, а к дворянской «партии», оставшейся на позициях своего сословия. Иванов-Разумник настаивал на мысли, что *«классовые и сословные общественные группы только тогда стали “интеллигенцией”, когда сумели стать выше своих классовых и сословных интересов»*. Отказаться от сословной точки зрения сумела только лучшая часть русского дворянства к началу екатерининской эпохи [10]. Образованных людей, не усвоивших идею прав человека, Иванов-Разумник характеризовал как культурных людей, духовных мещан, ориентированных на личные интересы. Таким образом, он

существенно ограничивал круг интеллигенции, отсекая консерваторов.

Фактом заявления интеллигенцией о независимости своей позиции и праве на свободу стало издание сатирического журнала Н. И. Новиковым с 1769 г. Иванов-Разумник отметил, что интеллигенция изначально встала перед дилеммой – славить мудрость государыни или, отстаивая независимость, защищать права человека. Иванов-Разумник дал оценку отношению самодержавного государства к свободомыслящей интеллигенции: власть предлагала признать ее законы и установленное ею правосудие лучшими в мире и всем подданным заняться нравственным самосовершенствованием [11]. Не вполне понятна интерпретация Ивановым-Разумником екатерининской «проповеди личного самоусовершенствования» как «крайнего индивидуализма», поскольку императрица не вела речь о забвении частными лицами интересов российского государства, а, наоборот, настаивала на признании его лучшей системой управления, не подлежащей критике: «Во “Всякой всячине” почти полное отсутствие какого-либо общественного значения... журнал этот впал в дух умеренности и аккуратности, ... советовал не только обличать, но также и восхвалять “твердого блюстителя веры и закона, хвалить сына отечества, пылающего любовью и верностью к государю... законы наши лучше, чем в Европе”. В этом общественном квиетизме заключена, конечно, немалая доля мещанства» [12]. С нашей точки зрения, Екатерина указала на непозволительность вмешательства подданных в сферу политической жизни.

Иванов-Разумник обосновывал «наличность сил зародившейся русской интеллигенции» изданием сатирических журналов Новикова, резко осудивших бесправие крепостных людей в России. Следует согласиться с мнением Иванова-Разумника, что журналистская деятельность способствовала созданию круга интеллектуалов, близких по своим социально-политическим взглядам. Издательско-публицистическая деятельность, несомненно, была одной из основных сфер деятельности русской интеллигенции. Она усиливала коммуникативные связи в кругу противников крепостного права, способствовала выработке некоторых общих представлений о политических и социальных отношениях. Иванов-Разумник, анализируя социальное содержание мысли публицистов круга Новикова, констатировал, что интеллигенция избрала путь «общественного служения», знаменем которого стали

«права человека», неизбежно заставлявшие ее осуждать произвол власти [13].

Один из примененных Ивановым-Разумником методов кристаллизации своей мысли – *выявление противоположных исторических явлений* и сопоставление их сущностных черт. Историческим фоном интеллигенции было дворянство, ориентированное на сословные интересы – охрану своих привилегий, но при этом не признававшее права социальных низов. Отличительной чертой картины мира «общественника» была идея о приоритете некоего общественного блага, интересов общества над интересами личности. «Общественник» веровал, что можно и должно приносить личность в жертву «молоху общественной пользы» [14]. По мысли Иванова-Разумника, интеллигенция екатерининского времени восстала против убеждения дворян в том, что род человеческий делится на дворян и скотов [15].

Выявления *основной идеи интеллигенции* недостаточно для характеристики ее картины мира, нужно определить *специфику* развития, изучая мировоззренческие комплексы наиболее ярких в творческом отношении ее представителей, считал Иванов-Разумник. Ценности интеллигентов эпохи екатерининского «Наказа» формировались в пространстве идей Просвещения, центральное место в котором принадлежало представлениям о «благе целого», «благе подданных». Абстрактное «благо целого» предопределяло мифичность содержания этого понятия. Ценность блага абстрактного человека не была тождественна приоритетам реальной личности, утверждал Иванов-Разумник. Оценивая мировоззрение Д. И. Фонвизина как антииндивидуалистическое, Иванов-Разумник объяснял, что писатель считал возможным одних людей принести в жертву благополучию других. Будучи последовательным гуманистом, Иванов-Разумник поставил вопрос: кого можно принести в жертву, каковы критерии отнесения одних к жертвам, а других к пользователям тех благ, которые создают погибающие? Антииндивидуализм Фонвизина, считавшего нормальным гибель половины людей ради благоденствия другой, очевиден, писал историк [16].

Иванов-Разумник выявлял различия в трактовках идеи «права человека». В конце XVIII в., отмечал историк, А. Н. Радищев интерпретировал эту идею в традициях французского Просвещения, акцентируя внимание на естественных правах человека. Иванов-Разумник полагал, что Радищев, оперируя понятием «Человек», абстрагировался от реальной, конкретной личности,

обладавшей яркой индивидуальностью: «Можно сказать, что для него реальная личность не существует или, по крайней мере, несущественна: прежде всего его интересует Человек, которого он любит писать с большой буквы» [17]. Радищева интересовала проблема человека в социальном контексте: индивидуум имеет право на гражданские права и свободы, равные для всех: «...его занимает “гражданин” более, чем “человек”, “человек” более, чем “личность” ...главное свое внимание он сосредоточивает именно на гражданине, на правах гражданина и человека» [18]. Радищев не остановился на освоении теории прав человека, не преклонялся «перед мертвой схемой», отмечал Иванов-Разумник. Историк справедливо отметил, что мысль Радищева об освобождении крестьян развивалась в контексте идей о естественных правах человека. Абстрактные идеи «блага», «богатства», «благополучия» в тексте Радищева приобрели конкретное содержание. Он не воспринимал идею возможности одних людей ради своего благополучия обресть других на нищету, голод, тяжелый физический труд. В этом Радищев принципиально расходился с Фонвизиним. Иванов-Разумник, анализируя тексты Радищева, пришел к мысли, что мыслитель «никогда не жертвовал личностью ради человека» [19]. Проповедь Радищевым идеи гражданских прав человека, по мысли Иванова-Разумника, была актуальна в эпоху крепостничества. Как видно, Иванов-Разумник изучал влияние социального контекста эпохи на развитие русской мысли и актуализацию ею основных социально-политических вопросов, на решении которых должно сконцентрировать свои усилия общество: «Иначе и быть не могло в то время, когда прежде всего приходилось бороться за права миллионов отдельных личностей, не имевших элементарных прав человека» [20]. Социальная проблематика русской мысли, несомненно, была связана с насущными задачами движения общества. Интеллигенция идейно оформляла социокультурные процессы, воздействуя на ментальность нации, освоение ею идеи свободы и прав личности.

Соотнося идеи русской интеллигенции конца XVIII в. с мировоззренческими типами (*индивидуализм, ультраиндивидуализм, антииндивидуализм, «общественность», ультраобщественность*), Иванов-Разумник не видел оснований для восприятия их как ультраиндивидуалистических или ультраобщественных. Интеллигенция, применяя теорию прав человека к российской

действительности, смогла исторически верно определить главную социальную проблему своего времени – освобождение крестьян от крепостной зависимости. «Великая задача раскрепощения человека до 60-х годов XIX века спасала даже крайних общественников из среды русской интеллигенции от безжизненной теоретичности...» [21]. Проблема развития конкретной личности, полагал Иванов-Разумник, могла овладеть вниманием «широких кругов русской интеллигенции» только после 1861 г., когда все слои общества обладали гражданскими правами [22].

Политическая заостренность социальной мысли интеллигенции, по убеждению Иванова-Разумника, обуславливалась антииндивидуалистическим содержанием модели взаимоотношений российского государства, с одной стороны, и общества, человека, с другой. Анализируя оду «Вольность» Радищева, Иванов-Разумник выделил его оценки бесчеловечного восприятия самодержцем крепостных людей, что «придавало» нравственную силу народному протесту и могло послужить объяснением и оправданием насильственного свержения деспота с престола. По мнению Иванова-Разумника, русская интеллигенция под влиянием Радищева поверила, что социальное освобождение возможно только после освобождения политического [23]. Революционность русской интеллигенции воспитывалась радищевской одой «Вольность», его мыслью, что нравственным убеждением невозможно монарха, верующего в самовластие как высшую цель своего правления, побудить к отмене крепостного права. «И если вся русская интеллигенция следующего века была революционна, то Радищев в этом смысле является первым представителем преемственной группы русской интеллигенции, первым революционером» [24].

Иванов-Разумник утверждал, что вся русская интеллигенция XIX в. была революционной. Он относил к этой социальной группе только тех интеллектуалов, которые не только разделяли идею свободного развития личности, но и *вели борьбу* за нее, обрекая себя на «славную гибель».

Иванов-Разумник видел в Радищеве яркого представителя русской интеллигенции: «...до сих пор мы вспоминаем о нем как о первом провозвестнике “вольности”, как о первом революционере в преемственной группе русской интеллигенции, как о борце за права человека и с мелководным мещанством среды, и с “алчным гадом” абсолютизма» [25].

Русская мысль до 40-х гг. XIX в. *не была оригинальной*, считал Иванов-Разумник [26]. Ее зарождение произошло в лоне французского Просвещения, и первые сочинения русских просветителей представляли собой попытку адаптации идей западных интеллектуалов к российской действительности. Преимущественное назначение этих произведений – ознакомление широкой русской публики с идеями современной европейской цивилизации – правопорядка, свободы человека, гражданского общества, неприкосновенности частной собственности. Задача трансляции идей Просвещения решалась, в частности, И. П. Пниним. Он входил в кружок Радищева и, используя те же формы сочинительства – трактат и оду, излагал свое воззрение на собственность как гарантию личной безопасности, предлагая освободить крестьян с землей. Иванов-Разумник признает *творческое начало* в стремлении русских интеллектуалов обосновать важность решения задачи «политического и социального раскрепощения человека» [27]. Проповедь Пниним идеи свободы человека, отсутствие в его текстах размышлений о развитии личности, позиционирование им человека как гражданина, по Иванову-Разумнику, позволяют видеть в этом мыслителе «прямого наследника Новикова и Радищева, типичного представителя народившейся русской интеллигенции XVIII века»: «центр тяжести его мысли заключен в человеке» [28].

Русские просветители конца XVIII – начала XIX в. вели речь не об интеллектуальном развитии личности, а об изменении социально-политической системы, чтобы обеспечить свободу человека: «Главной же целью Пнина, как и Радищева, является социальное освобождение человека путем разрушения сковывающих его политических цепей» [29]. Заостренность внимания Радищева и его единомышленников на проблеме изменения социально-политической системы, с точки зрения Иванова-Разумника, свидетельствовала об «общественной» направленности их мысли, связывавшей прогресс не столько с духовным становлением личности, сколько с внешними условиями ее жизни.

Русская интеллигенция эпохи Просвещения в независимых журналах подняла тему о правах человека. Печатные выступления интеллектуалов Иванов-Разумник оценивал как реальную деятельность в интересах политического и социального освобождения индивида. Принимая во внимание, что власть обрушила гонения на Радищева, Иванов-Разумник назвал его деятельность борь-

бой с самодержавием. Иванов-Разумник последовательно проследил соответствие этой группы русских мыслителей XVIII в. компонентам модели интеллигенции, им созданной. Он выявил такие совпадающие их черты, как творчество, борьба за права индивида, внеклассовость интересов, сопряженных с идеей освобождения человека, преемственность социальных представлений. Особенности восприятия русскими просветителями проблемы освобождения человека Иванов-Разумник усматривал в абстрактном, теоретическом обосновании прав индивида, создании некоторой модели-интеграла с определенным набором элементов. Маркерами этой модели, по мысли Иванова-Разумника, служили термины «свобода», «права», «благо». Однако, пояснял он, эти слова имели наиболее общее наполнение: «Заслуги их никогда не забудутся, ... наша интеллигенция XVIII века, занимаясь “абстрактным человеком”, чаще всего не обращала внимания на “реальную” личность» [30]. Иванов-Разумник все же отметил, что Новиков и Радищев видели в крестьянине «живого человека», страдали за него, но эта реальная личность «часто пропадала за абстрактным Человеком» [31].

Иванов-Разумник справедливо отмечал, что употребляемые просветителями слова «благо общества», «благо миллионов» оставались абстрактными идеями, увлекшими лучших представителей дворянства на борьбу за освобождение народа. Уже первое поколение интеллигенции стало «кающимися дворянами», мучительно почувствовавшими страдания народа. «Общественники» «боролись за права миллионов», не уделяя внимания развитию реальной личности, приравнивая «человека к нулю», утверждал Иванов-Разумник [32]. Он был уверен, что в этой же традиции трактовали идею свободы личности декабристы, выступившие последователями французских и русских просветителей.

Абстрактно сформулированную идею блага «Человека», развиваемую в контексте политического и социального освобождения, Иванов-Разумник интерпретировал как компонент «общественного течения» в интеллектуальном пространстве.

В русской мысли конца XVIII в. интерес к реальной личности просматривался в произведениях Г. Р. Державина, считал Иванов-Разумник [33]. Поэт в своих одах создал образ жизни вельможи, заботившего о своем благополучии и не мучившегося «проклятыми» социальными вопросами. Феномен этого образа, по мысли Иванова-

Разумника, заключался в соединении индивидуализма с мещанством: реальная личность находит блаженство в своей свободе и роскоши.

Несомненно, что Иванов-Разумник был знаком с интерпретацией творчества Державина и его влияния на развитие духовной культуры русского общества, принадлежащей В. Г. Белинскому. По мнению В. Г. Белинского, поэт стал выразителем русского XVIII в., его стихи стали исповедью времени, символом его понятий и убеждений. В одах Державина нарисована картина жизни екатерининского аристократа, стремившегося насладиться всеми удобствами богатого, красивого существования, формы которого были заимствованы из других стран:

«Кого роскошными пирами
На влажных невыхских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских, златошейных,
Из глины китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого столь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?
Гремит музыка; слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувства и питают» [34].

Г. Р. Державиным ярко представлены особенности стиля жизни аристократов екатерининского времени. Поэт подчеркнул их устремления к наслаждению и пирам. В. Г. Белинский, основывая свои оценки русского вельможества на образах, созданных Державиным, назвал времяпровождение его представителей «пиршественной жизнью», «когда великолепие, роскошь, прохлада, пиры, казалось, составляли цель и разгадку жизни» [35]. Отличительную черту поколения вольтерянцев В. Г. Белинский и А. И. Герцен видели в эпикуреизме. «Неофиты цивилизации с жадностью набросились на чувственные удовольствия. Они отлично поняли призыв к эпикуреизму, но до их души не доходили торжественные звуки набата, призывавшего людей к великому возрождению» [36]. В представлении Белинского и Герцена характерными чертами вельмож-вольтерянцев и их образа жизни были *образованность, праздность, жажда удовольствий*. Западное влияние стало мощным фактором развития русского общества. Жизнь высшего слоя дворянства стала искусственной, что обу-

словливалось восприятием чужой культуры и нежеланием этих довольно развитых и образованных людей заняться творческой деятельностью. По мнению Герцена, они были «праздными зрителями».

Западники (радикальные представители Белинский и Герцен) видели в *вольнодумцах* первое поколение высокообразованных людей в России, которые, следуя моде, сначала объявили себя поклонниками французских мыслителей, а затем воспитали в себе потребность в образовании, создали притягательный образ эрудитов, обогатили культурную жизнь высшего общества традицией интереса к мировой литературе и искусству. Чтение трудов Вольтера стало значимым явлением в русской жизни, следствием которого было изменение ментальности культурных людей. В культурном слое нации сформировалась потребность «и в просвещении стать с веком наравне» [37].

Однако вольтерянцам, по убеждению западников, была свойственна нравственная дихотомия: знание гуманистических идей и глухота к страданиям народа. Другими знаковыми чертами поколения русских вольтерянцев стали стремление к роскоши, чувственным удовольствиям, праздность, самолюбование. Западники, исповедовавшие «философию действия», охарактеризовали это поколение образованных людей как нетворческое. И в то же время они отводили вольтерянцам значительную роль в расширении духовных запросов общества и создании системы культурных ценностей, норм цивилизованного поведения.

По мнению Иванова-Разумника, Державин «далеко не дорос» до осмысления проблемы отношения личности к обществу. **«Индивидуалистическое течение» в русской мысли** проявилось, считал Иванов-Разумник, в описании Державиным наслаждения реальной личности благами бытия, *в вознесении человека «на недостижимую высоту»*: «У Державина... мы не найдем никакого интереса к человеку, к человечеству, к обществу: в его наивном эпикуреизме сквозит крайний индивидуализм, в его узком эгоизме крепко засело мещанство, но все-таки в его поэзии впервые, в дымке эпикуреизма, выставлена реальная личность» [38]. В поэзии Державина впервые проглянула «живая личность», что содействовало развитию индивидуалистического сознания современников, делал вывод историк.

«Индивидуалистическое и общественное течения», заключал Иванов-Разумник, *по-разному*

определяли значение личности и человека. Если в «общественном течении» (Радищев) ключевым понятием было слово «человек», то в «в крайнем индивидуализме» (Державин) – «личность». «В сатирических листках и произведениях Новикова, Фонвизина, Радищева, Пнина – начало общественного течения», утверждал Иванов-Разумник. По мысли историка, понятия человек и личность должны быть соединены. По его мнению, в русской мысли XVIII в. были «все зерна» концепций становления личности и общества. Русская интеллигенция в XIX в., полагал Иванов-Разумник, сознавала необходимость соединить человека и личность.

Предложенная Ивановым-Разумником классификация течений в русской мысли основывалась на критерии типов личности (или человека), созданных в текстах интеллектуалов. Этот подход к анализу их воззрений на развитие общества позволял Иванову-Разумнику выделить системы ценностей, обуславливавших решение проблемы личности – ключевой в историческом процессе. Мысль Иванова-Разумника развивалась в контексте русской гуманистической традиции, определившейся на рубеже XVIII–XIX вв. и набравшей силу в эпоху ренессанса начала XX столетия. В период русского Модерна культурная элита видела национальную идею не столько в укреплении государственности, сколько в развитии духовного мира личности. Отражая специфику русской мысли XIX – начала XX в., Б. А. Кистяковский отмечал в своей «веховской» статье, что «у русской интеллигенции было достаточно мотивов проявлять интерес именно к личным правам. Искони у нас было признано, что все общественное развитие зависит от того, какое положение занимает личность» [39]. Систематизируя идеи русских интеллектуалов, Б. А. Кистяковский выделил несколько созданных в русской мысли моделей, «формул» личности: «критически мыслящей» (П. Л. Лавров), «сознательной, всесторонне развитой, этической» личности (западники), «религиозной» (русские религиозные мыслители), «революционной» (народники и социал-демократы), «соборной» (славянофилы). В его понимании, некоторые мыслители писали о «личности вообще» [40]. Сам Б. А. Кистяковский акцентировал внимание на идеале «правовой личности».

Проблема взаимосвязи личности и общества заняла центральное положение в русской мысли XIX – начала XX в. Тема развития личности и интерпретация ее в текстах интеллектуалов стала

основным предметом исследования Иванова-Разумника. Он реконструировал модели личности, созданные представителями разных интеллектуальных кругов и течений. Верно осознав основной интерес русской интеллигенции, Иванов-Разумник сконцентрировал свое внимание на анализе идеальных типов личности, смоделированных в трудах мыслителей, но, на наш взгляд, несколько сузил свое исследовательское поле. Полагаем, что изучение черт моделей личности должно дополняться выявлением и других идей о развитии общества, чтобы не допустить искажения смысла культуры. Так, оценка Ивановым-Разумником воззрения Державина как «крайнего индивидуализма» должна соотноситься с трактовкой социальных идей поэта – структуры общества, прав сословий и отдельных групп. Недостаточное внимание к *проблеме обеспеченности условий развития индивида, его прав* обусловило некоторый схематизм в интерпретации и идеи личности, выразившийся в стремлении автора создать теоретические конструкции и соотнести с ними суждения интеллектуалов. Державин, позволявший себе в печатных работах не замечать рабства в России, но писавший о свободном времяпровождении вельмож, характеризуется Ивановым-Разумником как «крайний индивидуалист», а Радищев, сознававший, что права крестьянина не обеспечиваются законами, нет условий для его развития в России, рассматривается историком как «общественник», не понявший значимости индивидуальной самореализации личности. На наш взгляд, Державин и Радищев писали о жизни разных сословий в контексте различных социальных и политических идей. Если дворяне, будучи свободным сословием, имели возможность реализовывать свои гарантированные государством права, то крепостные люди исторически были поставлены в другие социальные, экономические и культурные условия, поэтому в среде крестьянства задача формирования личности была объективно не актуальна. В книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» воссозданы образы конкретных лиц, автор внимателен к встреченным им людям, он пишет об их насущных нуждах. Радищев исторически верно понимал, что без отмены рабства невозможно становление личности человека, родившегося крепостным.

Мысль Иванова-Разумника оригинальна, не ограничивается воспроизведением идей интеллектуалов, позволяет из-за деревьев «увидеть лес» [41], дает «ариаднину нить», как сам автор

определял значение своей методики исследования. Интеллектуальное пространство в России XIX – начала XX в. было огромно, русская мысль развивалась в разных традициях, имевших свои аксиологические системы и базовые идеи. Продуманная конструкция изучения мировоззренческих комплексов интеллектуалов позволила автору выявить их коды: основные понятия, идеи, определявшие смысл культуры. Интерпретация Ивановым-Разумником идей о личности и ее взаимодействии с обществом, выделение традиций осмысления этой проблемы – важнейший компонент его концепции становления русской интеллигенции. Он разработал понятийный аппарат, критерии трактовки идей, предложил их типологию, что, несомненно, является значительным успехом в *концептуализации интеллектуальной истории*. Для анализа картины мира интеллектуалов большое значение имело привлечение Ивановым-Разумником литературных произведений, поскольку талантливые русские писатели и поэты были глубокими мыслителями, повлиявшими на развитие духовного мира интеллигенции и общества.

Примечания

1. *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли: в 3 т. [Текст] / Иванов-Разумник. – М.: Республика; ТЕРРА, 1997. – Т. 1. – С. 25.
2. Там же. – С. 19.
3. Там же.
4. Там же. – С. 39.
5. Там же. – С. 42.
6. Идеи свободы человека, уничтожения административного ареста, веротерпимости, введения всеобщего обучения. Цит. по: Иванов-Разумник. Указ. соч. – С. 42.
7. *Иванов-Разумник*. Указ. соч. – Т. 1. – С. 43.
8. Там же. – С. 43.
9. Там же. – С. 45.
10. Там же.
11. Там же. – С. 44–45.
12. Там же. – С. 45.
13. Там же. – С. 46.
14. Там же. – С. 52.
15. Там же. – С. 47.
16. Там же. – С. 50.
17. Там же. – С. 51.
18. Там же. – С. 52.
19. Там же. – С. 53.
20. Там же. – С. 52.
21. Там же. – С. 52–53.
22. Там же. – С. 52.
23. Там же. – С. 55.
24. Там же.
25. Там же. – С. 55.
26. Там же. – С. 56.
27. Там же. – С. 58.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же. – С. 59.
31. Там же. – С. 61.
32. Там же. – С. 62.
33. Там же. – С. 59.
34. *Державин, Г. Р.* К первому соседу [Текст] / Г. Р. Державин // Державин Г. Р. Стихотворения. – Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1981. – С. 28–30.
35. *Белинский, В. Г.* Сочинения Державина [Текст] / В. Г. Белинский (1843) // Белинский, В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1976–1982. – Т. 5. – С. 45–46.
36. *Герцен, А. И.* О развитии революционных идей в России [Текст] / А. И. Герцен (1850–1851) // Герцен, А. И. Собрание сочинений: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966. Т. 7. С. 183.
37. *Пушкин, А. С.* Чаадаеву // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1969. – Т. 1. – С. 150.
38. *Иванов-Разумник*. Указ. соч. – Т. 1. – С. 61.
39. *Кистьяковский, Б. А.* В защиту права [Текст] / Б. А. Кистьяковский // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990. – С. 132.
40. Там же. – С. 132–133.
41. *Иванов-Разумник*. Указ. соч. – Т. 1. – С. 65.